

п о э т и ч е с к а я
с е р и я

Накануне революции:

1917
2017

Самара 2018

ББК 84-5
УДК 82-1
Н 21

Н 21 Накануне революции: 1917–2017.

Поэзия в поддержку прямоговорящих. –
Самара: «Цирк «Олимп»+TV», 2018 – 72 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Редакционный совет серии:

Лев Рубинштейн (Москва)
Владимир Друк (Нью-Йорк)
Ежи Чех (Познань)
Владимир Тучков (Москва)
Николай Байтов (Москва)
Дмитрий Веденяпин (Москва)
Света Литвак (Москва)
Александр Макаров-Кротков (Москва)
Илья Кукулин (Москва)
Татьяна Риздвенко (Москва)

Редакция серии:

Сергей Лейбград
Виталий Лехциер
Ирина Саморукова
Ирина Тартаковская

Куратор выпуска:

Сергей Лейбград

ISBN 978-5-906607-62-1

© Цирк Олимп+tv, 2018

Вместо вступления

Литературно-художественный портал «Цирк «Олимп»+ТВ», Радио «Эхо Москвы в Самаре» и информационное агентство «Засекин» 3 ноября 2017 года с 20:00 до 22:30 по московскому времени провели вторую литературную контекстную акцию из цикла «Поэзия в поддержку прямоговорящих».

В поэтических чтениях «Накануне революции: 1917–2017» в прямом эфире YouTube-канала «Эхо Москвы в Самаре» приняли участие поэты и литераторы из России, Австралии и Польши.

Во время литературных чтений и после них проводился сбор пожертвований для оштрафованных участников мирных гражданских акций в Самаре и правозащитницы Людмилы Кузьминой, осуществляющей независимое наблюдение за выборами.

«Накануне революции: 1917–2017» – это, прежде всего, поэтический вечер, в рамках которого авторы читали свои художественные тексты. В контексте времени. Накануне 100-летия большевистского переворота для одних и Великой социалистической революции для других. Накануне юбилея революции в атмосфере отсутствия всякой надежды не то, что на революцию, но и даже на реальное сопротивление, прорыв, эволюцию, остановку неумолимого скатывания в дурную бесконечность произвола, лицемерия, насилия, предательства, подлогов и запретов...

Есть ли границы, разделяющие художественное, политическое и этическое высказывания в современной России? Не равно ли уклонение сегодня от политики – уклонению и от этики, и от поэзии? Как пишется каждому из нас в условиях критического и тотального нарастания абсолютно репрессивных, полицейских, цензурных и мракобесных тенденций?..

Мы читали стихи. Мы продолжаем писать и читать наши тексты в контексте происходящего. И поэтому мы организуем сбор пожертвований для поддержки людей, преследуемых властью за выражение своей гражданской позиции, собирая средства на литературной акции и после неё. Надеюсь, что это была наша вторая, но не последняя встреча в череде «контекстных акций».

Сергей Лейбград

Наталья АЗАРОВА

Москва

*смерть точка посередине жизни
но всё же ближе к концу*

революция во что она была одета?
нам и не вспомнить тот левый клёв
на нашей памяти она всё ветшала
подхихикивая в такт чужому подвыпившему
дедушке
подскрипывая в такт деревенской двери
подсвистывая в ногу с газом из незакрытой
конфорки
засыпая от лишних пространств
подтверждая
подтверждая
и по тридцать шесть справедливых
в каждом поколении
о революция
ты вращаешься как
эффективное средство от арта

но ты и сама инсталляция

формулы революции

многое идёт хорошо
если идти спиной

так скользко что искомо
так скользко что закоснуло

стихи переносят сводки
чем
серии серых чудес

флажком
стихающая боль

это мост для узнавания рыб
это маленький дворец для
их
макияжа
это леса прилегли по кругу
это их следящие множества
октябрьские бабочки листьев
они планируют
мы ничего не планируем
мы планируем
они ничего не планируют
они
планируем
красный серп живых рыб в пруду

подражание хармсу

и список вещей что я ненавижу:

- 1) арт
- 2) успех
и деление на лузеров и виннеров
- 3) ужинать в одиночку
список нуждается в продолжении

продолжение списка вещей что я ненавижу

- 4) приглушённый свет
- 5) дизайн
в нём как-то и есть не хочется
- 6) поэзию о тяжёлой доле рабочих
список нуждается в продолжении

средство от старости

– к старости поэты теряют лишний вес
– они избавляются от лишних прилагательных
– а ты не поддавайся приобретению прошлого
ну ты же добросовестный приобретатель
и культивируй переименование это потребность
ну переименуй переименуй меня здесь на острове прямо
– стоит писать только полезную поэзию или с
выходом на балкон
сам себе Бог человеком лет сорока пяти представлялся
– хорошо бы воздержаться от мастерства заблокировать
– и настаивать настаивать на бесследности
ага приять приятеля видеть в сторону спать вспать
и ты положи себя в деньги
или в путевые люди
идём зависшей стрекозой
твоё плохо летящее крыло
морганатические сумерки
свес на нет
всё же он решился взяться за свой труд именно
во время жизни а не в какое-либо другое
время

остановка

1. канун мира

ожидание перед дверью когда непотерянный
ключ не подходит
попробовать ещё раз тот самый
но не потерян
но не подходит

ломать не ломать
бросаем орла с изнанки
вошли
ширма расклеилась
прочно держатся бабочки
неровностями
бархатные круги
повисли

2. приближение

подсолнухи на корточках присевшие
река расселась на двух стульях
ночь

среди вымирающих аристократов
цветущих прудов и
чёрного доberman
без намордника
пройти не пройти
из сада тенистых деревьев задевая верхушки
секвой вспархивает
истребитель
последней модели

3. упражнение в воображении ежедневного
место посиделок испанских соседей

несовершенных
несовершеннолетних
террористов

скамейки из подогретого железа
верхи тормашек
их обсуждают корреспонденты
снимают

рассказать не рассказать
охранный шёлк сердца валяется
тамошние и здешние
ошмётки
мальчишек

это были такие ежедневные ребята

4. канун мира

ожидание перед дверью когда непотерянный
ключ не подходит
попробовать ещё раз тот самый
но не потерян
но не подходит

ломать не ломать
бросаем орла с изнанки
вошли
ширма расклеилась
прочно держатся бабочки
неровностями
бархатные круги
повисли

Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Сидней

Столетний юбилей революции оказался очень странной штукой. Кому сегодня сорок плюс лет, помнят, с какой помпой отмечали юбилей революции в Советском Союзе, как это видели – начало нового этапа развития общества, отменившего все предыдущие несправедливые, неправильные, непонятливые эпохи. Она, революция, открыла человечеству дорогу к коммунизму на все времена, к счастью, к звёздам. Улицы, площади, заводы – называли именем шестидесятилетия Октября... Обязательные ордена и медали к юбилею. Парады, концерты. И вот столетний юбилей. Такое впечатление, что история переворачивается в многомерном пространстве, один раз, ещё раз, ещё раз – и все интерпретации противоположные. Сегодня у нас в Сиднее я видела объявление о вечеринке, о костюмированном бале в честь столетия русской революции. Ну, хоть так. А мы почитаем стихи.

господин! на закате
четвертого августа
семьдесят третьего,
как ты знаешь, года
республика пала.
в город вошли термиты.

они шли волна за волной,
как море. мужчины
встретили их мечами,
кнутами и пилами.
мы стояли на стадионе,
рабы и свободные, мальчики
и молодые герои.

консул погиб в числе первых.
как он визжал! как долго
визжал и хрипел и булькал.
они сожрали его.
перекусив перевязь, добрались
до тела, все остальное потом –
нагрудник, сандалии, шлем.

другие бежали, бросив оружие.
их загоняли, по ногам заползали
под платье. выгрызали сначала
мошонку.
так погиб милый Виктор.
и твой новый любимец – Павел.

остальные
перешли на сторону
победителей.

их миллиарды.
они превосходят размером
взрослого воина. или ему по колено.
их глаза обращают в камень
каждого, кто в них заглянет.
их слух превосходит возможности
человеческого.
их челюсти перемелют камни.
кишечник переварит металл.
их жвала, о господин, их жвала!

солнце пылало на белых камнях,
когда они катились по городу.

я пишу эти строки, забывшись
в щель на полу.
извини за изящный слог, не удержусь напоследок.
за почерк извиняться не стану. сам понимаешь,
плохо держу стило.

наши пируют в зале. мне слышны
крики Аркадии. несчастная!
я любил ее. и она, бедняжка, любила
мне отдаваться.

крики смолкли. отовсюду
слышен шелест
и шуршание жвал,
пожирающих город,
людей, камни, дома,
словно черный огонь, без дыма.
когда поднимется солнце,
здесь будет пустыня.

прощай, господин!
завтра
мы покатаемся дальше.
я не узнаю тебя при встрече.

После прекрасной эпохи

Ты их не помнишь
Там были только взрослые особи
Научившиеся игнорировать
Происходящее за оградой
На ограде табличка Не кормить
Не гладить не бросать им мусор
Не кричать Они нас не слышат
Их не тревожил наш смех
Шум доносящийся с улицы
Грохот грозы
Они были занятные
Я любил заходить к ним
Особенно по весне
Когда зацветал жасмин
Они сидели под ветками
Лепестки покрывали их
Длинные ноги гибкие спины
Волосы в крупных волнах
Они вытягивали ноги переплетали
Поворачивались другим боком
Лиловых и розовых платьев
Вернее розовых у молодых
У зрелых лиловые фиолетовые у старых
С возрастом увеличивался также
Размер жемчуга на груди
Они курили далеко отставляя
Руку с мундштуком
Такие тонкие пальцы
Иногда к ним подходила
Изящная особь в цилиндре
Одна из них поднималась
Опираясь о руку приехавшей
Они вместе скрывались внутри вольера
Мне везло я наблюдал за кормежкой
Однажды я видел
Приехал кабриолет
За рулем сидела новая особь
В клетчатой кепке
Самая юная в нежно розовой пене
Запрыгнула ему на сиденье
И они исчезли Я так просился
Сходить посмотреть в том году еще раз
Воображал себе сцену

Они сходятся достают револьверы
Отсчитывают шаги и стреляют
Не получилось
Потом я перестал посещать их
А когда вернулся
Вольер перестроили
Теперь там сидят коалы
Наевшись эвкалиптовых листьев
Они засыпают и падают с веток

Революция не убивает своих детей,
Она едва успеваает их выносить,
Чтоб расплатиться за внуков покой
И хорошую школу, на грядке фикусы.
Как сказал поэт, у таких, как ты,
Да тебе вообще дети на кой!
Грудь высока, золотые косы густы,
Короче, не бывает детей у блудей.
Поэт ошибался, на тебе, выкуси.

Женихов зато сотни, бегут по двору,
Как куры, роняя в сор перья,
Патроны, монеты, прочую мишуру, с какой
Начинается родина и грядет кризис доверья.
А хозяин уже натянул тетиву, сам-десять,
Смахнув слезы счастья, глядит в прицел,
Зевает, начинает отсчет, отброс, отбраковку, отстрел.
Кончает. Страшно пересчитать цыплят,
Уходит, хлопает дверью.

Мама, меня снова тошнит с утра,
Меня желчью рвет, любовью и кровью,
Едва гляну во двор из окна, а там
Лежат они, женихи и дети, почерневшие части тел.
Части тел по траншеям, моих детей.
Мама, я больше не вынесу.

Вынесешь все, и широкую,
Грудью проложишь себе.
Жаль только, жить прекрасную
Уж не придется тебе.

Политическая комбинаторика

Президент Франции подписал указ о независимости Гренландии.
Президент Португалии подписал указ о независимости Дельта-Амуроко.
Королева Дании подписала указ о независимости Гибралтара.
Королева Великобритании подписала указ о независимости Нуэва-Эспарты.
Президент Пакистана подписал указ о независимости Шотландии.
Президент Румынии подписал указ о независимости Ватикана.
Император Японии подписал указ о независимости Тасмании.
Президент Индии подписал указ о независимости Филиппин.
Председатель земного шара подписал указ о независимости буквы ф.
Кольцевой червь Анна подписал указ о независимости полной жопы.

Ай кэн гет но сатисфакшн

Как это коммунисты не додумались в свое время принять закон об уголовной ответственности за «оскорбление чувства глубокого удовлетворения»? Лев Рубинштейн

Думского Государства Государственная Дума торжественно принимает закон о полной и окончательной ответственности развитого общества тотальной уголовщины за оскорбление чувства глубокого удовлетворения удовлетворение чувства глубокого оскорбления чувство оскорбления глубоким удовлетворением и чувство оскорбления удовлетворительной глубиной удовлетворительно глубокое чувство оскорбления и удовлетворительно глубокое оскорбление чувства чувство глубокого оскорбительного удовлетворения и чувство глубокого удовлетворительного оскорбления оскорбительную глубину чувственного удовлетворения оскорбительную удовлетворительность глубинной чувственности оскорбление чувства удовлетворительной глубины глубинное оскорбление чувства удовлетворения а также глубинное оскорбление удовлетворения чувства чувственное удовлетворение глубоким оскорблением чувственное удовлетворение оскорбительной глубиной оскорбление глубокой удовлетворительности чувств

оскорбление удовлетворения чувствительной глубины глубочайшее удовлетворение чувства оскорбления и глубину удовлетворения оскорбительного чувства не говоря об удовлетворении чувства глубокого оскорбления удовлетворительном оскорблении чувства глубины и оскорбленном удовлетворении глубины чувства удовлетворение оскорблением глубинного чувства и удовлетворительность чувства оскорбления глубиной и вдобавок оскорбление удовлетворения глубокого чувства глубокое чувство оскорбленного удовлетворения и глубокое чувство удовлетворенного оскорбления чувственную глубину удовлетворения оскорбления чувство оскорбления чувством глубины чувство глубины оскорбление чувства оскорбление чувства глубины чувств оскорбление чувства оскорбления удовлетворением оскорбление чувства удовлетворения оскорблением удовлетворение оскорбления чувства оскорбления глубокое чувство удовлетворения чувством оскорбление глубины удовлетворения удовлетворение глубины оскорбления оскорбление удовлетворение удовлетворение оскотворение

Какое, нах, безмолвие

Отворяются двери. Кузнецова является на крыльце.
Кузнецова: Народ! Они застрелились из поварешки и отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.
Народ молчит.
Кузнецова: Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует Росгвардия! Да здравствует царь!
Народ молчит.
Кузнецова (оборачиваясь к своему спутнику): Пойдем отсюда. Эти тоже сдохли.

моя подруга подобрала на улице ангела
дело было после китайского нового года
он стучался в канализационный люк
напротив детского парка с коровками
длинным клиновидным носом
перезвон как дюжина колокольчиков
позже она рассмотрела зубастую челюсть
вытянутое сосиской тело с короткими лапками
трехпалые лапки и клиновидный хвост без зубов
но к этому времени она уже услышала
его перезвон и взяла его на руки
ангел был чешуйчатый жесткий холодный тяжелый
он сложился вдвое у нее на руках
подвернул хвост к голове втянул лапки
как прежде втянул свои крылья
дома она посадила его под лампу
мозаика черных чешуек по карамельному
полю затылка хвоста и спинки
но он уполз и долго стучал мордой по батарее
по ножкам шкафа и полки для обуви
она боялась что будут жаловаться соседи
довольно громко но никто не пришел
наконец обосновался на вешалке
когда открывали дверь
стучался мордой о дверной косяк
издавая тонкие звуки
присматривал за детьми кошкой собакой
двумя попугаями кроликом хомяком
десятком рыбок
сопровождал их по очереди
через перекресток на красный свет
однажды она проснулась посреди ночи
и увидела как ангел плавает вокруг люстры
шлепая короткими лапками по воздуху
извиваясь сосисочным телом
лунная светомузыка играла на хрустальных пластинах
ангел продвигался вперед
совершенно беззвучно
утром он умер и она выбросила его
рыхлое тело в урну около дома

Дмитрий ВЕДЕНЯПИН

Москва

Спасибо за эту акцию, которую я поддерживаю, не являясь политическим активистом. Но, как Бродский сказал когда-то, плохая политика портит нравы, а это уж по нашей части.

Стихи, которые могли бы написать, но не написали Карл Маркс и Никита Сергеевич Хрущев

Образ твой мучительный и зыбкий
Я не мог в тумане осязать.
«Коммунизм», – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

2017

Вера тут не в то да сё,
А конкретно в то, что это
Наше, в смысле, наше всё,
И надежды больше нету.
Перспектива не ясна.
Но когда беспечной птичкой
Расщебечется весна,
Я надеюсь по привычке.
Зарокочут соловьи,
Встанет ночь в дверном проеме.
Никого не будет в доме,
Кроме правды и любви.

2017

Дятлы

Приснились Байтов, Фельтринелли,
Шестов и Радлов.
На наш участок прилетели
Шестнадцать дятлов.
Был кто-то лишним в этой группе
На самом деле.
Сперва, конечно, я подумал,
Что Фельтринелли,
Но, глядя, как пестреют дятлы
На ветках вишни,
Я догадался, что у Бога
Никто не лишний.
Зачем-то мы нужны друг другу,
Как Брежнев Пельше.
Хотя, наверно, кто-то больше,
А кто-то меньше.

2017

Подвиг поэта

*...в закоцитной стороне...
Е. Баратынский*

Чем дальше, тем больше неясностей в главных вопросах
И меньше доверия ко всякого рода ответам,
Любим, даже самым высоким, как дом на колесах,
Сквозь черные буквы летящим по белому свету.
Никто никому в этом мире не должен ни грана,
Но есть, как сказал бы Израиль Натаныч, одно исключение,
И это, конечно же ты – вот такое везение,
Еврейское счастье, сострил бы Израиль Натаныч.
Под бременем тяжкого долга согнувшись до срока,
Ты сам, как прицеп на ухабах и поезд на стыках,
Кряхтишь, раскалившись на юге, а то одиноко
Скрипишь, коченея под ветром, на севере диком.
Так в чем же твой долг? Жаль, Израиль Натаныч далече,
А то б он порадовал нас остроумным ответом,
Сказал бы ну что-нибудь вроде: содействовать встрече,
Ну да, закоцитной – не в этом ли подвиг поэта?

2017

1.

Тебя не будет, тебя не будет, тебя не будет, –
Подпрыгнул как-то в своей кровати дошкольник Изя,
Ладошки взмокли, губа трясется, глаза, как блюда,
Один на целом-прецелом свете во мраке жизни.
Настало утро, и мальчик Изя и все проснулись.
Вот солнце светит, вот папа ходит, вот мама гладит.
Ночные страхи вдруг расступились, перевернулись
В какой-то дикий теду б не ябет, теду б не ябет.

2.

Однажды Изе приснилась птичка с часами в спинке.
Она сидела, потом вспорхнула и улетела,
И понял Изя, столетний Изя, тараша зенки,
Что худо дело, ох, худо дело, эх, худо дело.
Опять за горло его схватили железной хваткой,
Опять сверкнули в углу над шкафом клыки и когти.
Будь Изя прежним, подпрыгнул б снова в своей кровати,
А этот просто, держась за сердце, привстал на локте.

2017

«Г» и «Б»

Конечно, не всё шло гладко.
Синявского, например, укукли в лагерь,
не пионерский
(отдельные слабаки, кстати сказать,
и в пионерлагере не могли дотянуть до конца смены);
Бродского –
в психушке –
заворачивали в мокрую простыню
и клали под батарею,
чтобы ткань покрепче пристала
и побольнее было отдирать;
о. Глеба Якунина
(это уже на моей памяти)
срифмовали с Якутией –
подобные примеры,

как любит выражаться один мой учёный коллега,
можно множить и множить,
но в целом моему поколению
жило мило и привольно.
Вот типичная картина времён моей молодости:
комната, набитая не слишком опрятными,
но весёлыми юношами и девушками,
тонет в клубах табачного дыма;
стол заставлен чудовищным количеством бутылок
какой-то дешёвой дряни;
мой товарищ,
издавая свистяще-хрюкающие и чмокающие звуки,
гениально изображает
дорогого
Леонида Ильича Брежнева.
Все хохочут.
Я громче всех.
Дома меня ждёт
Запрещённый «Доктор Живаго»
(издание Мичиганского университета)
И имка-прессовский Лев Шестов:
«Апофеоз беспочвенности»...

Может ли сообщение о смерти человека
стать поводом для гомерического смеха?
Казалось бы нет.
Однако тысячи, а то и миллионы людей
просто ничего не могли с собой поделать,
слушая давно ожидаемое известие
о траурном убранстве
Колонного зала Дома Союзов
и безвременной кончине
Генерального секретаря ЦК КПСС,
верного ленинца
Константина Устиновича Черненко.
Фактически
всей стране
по радио и телевидению
пересказывали слегка видоизменённый
еврейский анекдот:
«Вы будете смеяться,
но она тоже умерла».
Каюсь, я тоже хохотал до слёз.

Новым генсеком назначили молодого.
И вскоре в Москве по Красной площади
Прогуливался главный враг СССР,
очаровательный Рональд Рейган.

Затем был путч.
Первые две недели ельцинского правления
мне казалось,
что у нас есть шанс.
Но *упало каменное слово*
нашего Златоуста:
«Хотели, как лучше,
а получилось, как всегда».
И ещё одно –
пророческое:
«Никогда такого не было,
и вот опять».

И вот опять,
притом, что такого
и вправду никогда не было,
у нас власть ГБ.

Принципиальное отличие
нынешней эпохи от брежневской в том,
что нынешняя –
совсем не смешная.
По многим причинам,
в том числе и потому,
что у нас не осталось
утешительной возможности думать,
что мы не при чём.

Даже если опросы врут
и сегодняшний политический курс
поддерживают не 85% населения,
сторонников у него явно немало.
Диссидентское меньшинство в 70-е годы
так или иначе выражало «чаяния» большинства.
А сегодня?
Способен ли одинокий человеческий голос
нашего Махатмы Ганди
(маленького Лёвы Рубинштейна)

перекрыть
звериный вой участников «Русского марша»?
Между прочим, я думаю, что да,
но как быть
с негромкими
(но назойливыми)
голосами не-нацистов,
а обычных и –
может быть, даже –
добропорядочных граждан,
готовых выстоять пятичасовую очередь
за футболкой с портретом Путина?
*Жалко, что Патриарх подкачал:
не освятил!*
*Но всё равно
купить надо!*

В начале 80-х было на что надеяться.
А сегодня?

Недавно в Крыму
Президент Путин заявил,
что скоро у нас появится такое оружие,
какое другим странам и не снилось,
и пообещал выделить на развитие военной
промышленности
20 триллионов рублей.
Когда я представляю себе,
сколько моих соотечественников
этому обрадовались,
мне становится стыдно.
Не за Путина,
а за всех нас,
живущих так,
словно не было
ни Синявского,
ни Бродского,
ни Шестова с Пастернаком,
а одно сплошное ГБ,
«Г» и «б»,
«Г» и «б»,
«Г» и «б».

Виктор КОВАЛЬ

Москва

Товарищ мой с дымящимся кисетом,
товарищ мой, облитый киселём
разорван пополам зимой и летом,
на день и ночь товарищ поделён.

Он под пустым летает балахоном,
цепляется за звёзды балахон.
То красным флагом, то листом зелёным,
то двухголовым падает орлом.

И над сгоревшим памятным кисетом,
над высохшим домашним киселём
пустой рукав с отравленным кастетом
горит и машет кистенём.

Пора отвлечься, сделать перебивку,
присесть на бревнышко, ударить по пивку.
Задуматься о вечности. Бревно...

Плыви, плыви, зеленое бревно.
На мой вопрос участливый: – Куда? –
оно ответит, что не все ли мне равно,
в бейсболке белой с логотипом «Хургада»?

Известно, что чрезмерный алкоголь
чреват опасным отвращеньем к алкоголю.
В Египте я бейсболку приобрел,
а на бейсболке – белую акулу.

Бревно... Как будто дождичек.
Крапива. Лебеда.
Ко мне капустница садится на колени.
Плывут: акула с логотипом «Хургада»
как атрибуты на пути к эмблеме.

Сергей ЛЕЙБГРАД

Самара

лжеантичная ясность ублюдка
перекличка разводка побудка
зажигалка планшетка селёдка
это город на грани рассудка
словно мужеподобная тётка
мы впитали пространство как губка
мы запомнили то что забыли
эти книги от лагерной пыли
ты уже не очистишь голубка
это угол квартиры отвесный
это русь это высшая раса
это местная власть это местный
распорядок до мёртвого часа
словно суржик земной и небесный

золочёные кокарды
беспардонные бастарды
похоронные венки
телефонные звонки
батискафы перископы
скрежет керченской косы
тороватые холопы
как раскормленные псы
слишком поздно слишком рано
спи в утробе замолчи
сетевые тараканы
расползаются в ночи
кто не знает что во фляжках
кровь чернеет на костяшках
без опознавательных
знаков глиняных льняных
спят берлин со сталинградом
моджахед и шурави
чьё-то тело дышит рядом
задыхаясь от любви
бог распят и обезврежен

через марлю свет процежен
и течёт из всех прорех
из-за острова на стрежень
третий крым четвёртый рейх

никто не хочет вспоминать никто не просит
как старый голый человек приходит осень
и этот хрупкий полумрак весомей света
и нет печальней красоты чем осень эта

недвижно лежит на экране
бисквитное тело народа
хочу раствориться в тумане
до этого нового года
до этих гибридных блондинок
до этих шипучих пластинок
до этих поп-звёзд ошалелых
до медленных пьяных снежинок
контуженных бабочек белых

озноб в отцепленном вагоне
среди сплошных местоимений
слова как пепел на ладони
уже свободны от значений

уже последняя суббота
как аллегория для басен
потри любого патриота
и ты увидишь мир прекрасен

в ночи потерянных созвездий
я дымом памяти затоплен
забытый зверь хрипит в подъезде
как дженис джоплин

любимая мы сядем за измену
кружи душа над родиной кружи
пусть чешут рэп идущие на сцену
онлайн офлайн режим четыре лжи
и ретро перемен за ту же цену

ордынский хайп сирийский зиккурат
донецкий уголь чудные мгновенья
грядущие поленья поколенья
в камине телевизора трещат

большой террор ответит за позор
большой театр ответит за базар
с каспаром мельхиор и бальтазар
с каспаром бальтазар и мельхиор

вечерний звон над думой погребальной
гламур концлагерный
лубок исповедальный

На этот утренний пейзаж,
всегда ничей и вечно наш,
с табачным воздухом в груди
без слёз не глянешь. Не гляди
без слёз. В заплаканном краю
стоишь с раскатанной губой
в давно расстрелянном строю,
пропахшем водкой и бедой.
Ты на себя-то посмотри,
я на себя-то посмотрел.
Как память мёртвая внутри,
сгорает осень на костре.
Рельеф постылого лица
по карте времени течёт.
Меня до самого конца
никто от жизни не спасёт.

Снег! – кричу. Кричу: Снег!
Но снег не знает своего имени,
поэтому он идёт и не замечает меня.

Хорошо живу.
Лучше бы и не жить.

Речь накануне письма
Речь на пороге насилья
знаками

Заморить червячка
Задушить зародыша
Родить Эдипа

Разыскивается человек.
Он же царь, он же раб, он же червь, он же Бог.

сдаётся мне что знаю как умру
сдаётся мне в аренду как пространство
как женщина сдаётся поутру
за счастье принимая постоянство
смесь опуса и эпоса
тщета
движений одинаковых и звуков
смесь зрения и слуха
нагота
венозная решётка акведуков
смешение
в заснеженной глуши
в какой-нибудь глухой большой глушице
не двигайся и даже не дыши
как беженец застывший на границе

Ошпаренное солнце пирамид
в обшарпанные падает кварталы.
Разломанное зрение скользит,
раздваивая линии, как шпалы.

Смерть автора... Что ведал этот Барт
о смерти, о предательстве, о пьянстве?
Моя страна обширна, как инфаркт,
с потерями сознания в пространстве.

Здесь вишней фаршируют пироги,
здесь в лоб дают и сталкивают лбами.
С покойников снимают сапоги,
смеясь, как фотокарточки на память.

На корточках встречают приговор,
по форточкам стреляют пятаками.
Рабочий стол сквозь пыльный монитор
иконками мерцает, ярлыками.

Подъезд мой оттирают басмачи,
заложники слепого передела.
Свет выключу, чтоб видеть, как в ночи
горит твоё космическое тело.

есть женщины в русских селеньях
и в китайских селеньях есть женщины
и в татарских и в еврейских
и даже во французских с американскими
есть женщины так и передай

а русская интеллигенция
есть только в еврейских селеньях

хотят ли русские войны? –
спросил сириец украинца

Утренние тела проплывают в трамвае.
Утренние облака, как души, смотрят им вслед.
Бессмысленное блаженство.
Ужас существования.

Я испытываю симпатию.
Она не выдерживает испытаний.

Все артисты
коллорационисты

Кадыровы решают всё

иосиф сталин

Путин Райот
КГБог
Владимир Владимирович Ходорковский

Под шумок времени

Убийцы не потерпят, чтобы их оскорбляли.

Виталий ЛЕХЦИЕР

Самара

**Персональный пенсионер
республиканского значения***

1.

Два мира, две системы написал в книге «14 лет» Семён Борисович Готлиб в 1931 году, книга вышла в Смоленске, её автор в 16-м попрощался с тремя братьями, сестрой и родителями и уехал из города Мираславас Алитусского уезда, Сувалкской губернии работать конторщиком в Харьков

В 17-м призванный в царскую армию, получил ранение при крушении поезда с новобранцами, в московском госпитале началась биография пропагандиста: агитация среди больных и раненых, поединки ораторские с кадетами, митинги летучие на ж/д станциях, стычка с солдатами Довбор-Мусницкого

Участвовал в ликвидации мятежа анархистской банды... организовывал первые воинские ячейки в городе... агитировал еврейских рабочих по отказу от Бунда, организовал библиотеку-читальню... губком, солдатский комитет, армейская комиссия по борьбе с дезертирством, Гомель, Воронеж, Смоленск, штаб Армии

Два его младших брата, Гирш и Мирон, эмигрировали в 23-м в Америку, один стал владельцем магазина, другой – мебельной фабрики, их дети Анна, Пэт, Мэрилин и Айрин живут дружно, но в разных штатах, занимаясь йогой, наукой, социальной работой, живописью, family history

* В поэме использованы документы из семейного архива автора

Брат Давид, одно время – министр юстиции Украины, был расстрелян в 38-м, сестра Ева погибла в оккупацию, вместе с родителями, Цилю, младшенькую, видели в гетто, и мы думали, что она вместе с Евой... но письмо 44-го, извлеченное из забытой папки (!), сообщает что она выжила и, вероятно, оказалась в Эстонии

(в другом письме значится про *печальные известия: ваш дом и все другие постройки сожжены дотла немцами во время их отступления в июле 44-го. С ваших родителей имущества осталось одна земля в деревне Манкуны, которую теперь обрабатывают новосельцы, со всего Мирослава осталось только несколько домиков*)

Как перестроить работу советов? пишет тот же автор в другой своей книге, в том же городе в том же году: – *даешь 50 000 пар обуви в день! руководство районами, – многие советы ещё работают по старинке и не приступили к перестройке, к внедрению планового начала и действительно втягиванию новых слоев трудящихся в управление государством. Новые боевые задачи,*

ставшие перед советами в период последней стадии нэпа... даже номера «Аполлона» – случайный раритет домашнего архива – так не дрожат в руках, как эти серо-жёлтые страницы по 25 коп., спрятанные для сохранности в коричневые переплёты, под которыми всё ещё происходит форсированное социалистическое наступление по всему фронту

2.

Тетрадь бумажной фабрики «Герой труда», исписанная фиолетовыми чернилами, крупным почерком, редкие красные подчёркивания, *цитаты, мысли, афоризмы*, Глеб Успенский о Кольцове, ответ Чернышевского московскому посланцу, Вордсворт о французской революции, Пушкин писал о Мицкевиче... Мицкевич друзьям-москалям

Вы узнаете меня по голосу. Пока я был в оковах, ползая в молчании, как змея, я таился перед деспотом, но вам я открывал тайны, credo Брюсова, Олдингтон, мироощущение последнего кающегося дворянина, сумерки сознания в символизме, из статьи Городецкого, Горький о Блоке, цитаты о торжестве акмеизма

3.

Два суждения помечены галочкой на полях:
Есть два генеральные прокурора: один – у ваших дверей, он наказывает за преступления против общества, другой – сама природа, Дени Дидро, видимо, «Племянник Рамо» попал в тетрадку опосредованно, результат чтения Чернышевского

Но другая мысль о «Рамо», принадлежащая Гегелю – *сознание, отдающее себе полный отчёт о своей разорванности и открыто высказывающее это, является насмешкой над бытием, над искверканностью целого и над самим собой – и несколько страниц рассуждений о добродетели всё же отсылают к первоисточнику*

Тетрадь историографии советского общества, тетрадь истории КПСС, во времена культа личности находились любители перехватывать и приписывать учёным нашей страны любые открытия, сделанные учёными других стран, из речи академика Кедрова. Далее в беседе Сталин подчеркнул прогрессивную

роль опричнины, при которой было уничтожено большое количество ни в чём не повинных людей, разорена масса крестьян и опустошены целые области. Главного опричника и царского палача Малюту Скуратова Сталин изображал как крупного военачальника, из высказывания Дубровского. Идеализация Ивана Грозного...

С именем сталинского посланца на Украине, Когановича, связаны многие чёрные дела, нанесение немало горя и страдания народу... в частности, в отношении компартии Западной Украины в конце 20-х... безосновательные обвинения в шпионаже и перерождении... роспуск и ликвидация многих её кадров, из речи Касименко

Высокие размашистые буквы, плохо отличимые «р» и «з» с каллиграфическими вензелями, не русская «д», а аглицкое q, не сразу прочтёшь, рассыпающееся «ж», записи с 47-го... отчётливо видна внутренняя работа, мотивированная революцией и любовью к литературе, убеждения корректируются, ядро их неизменно

Выписка из газеты «Харьковский Пролетарий» от 21.01.28 г. свидетельствует о том, что Семен Борисович Готлиб с августа 26-го года разделял точку зрения оппозиции по некоторым вопросам, например, предметом расхождений с партией была политика в деревне, однако, *будучи идейно связанным с оппозицией,*

он не участвовал во фракционной работе, осуждал её как путь гибельный, подрывающий диктатуру пролетариата, как путь опасный для пролетарской революции, публичные выступления оппозиции в Москве и Ленинграде он расценивал как акт недопустимый, нарушающий основные принципы большевистской дисциплины

Автор опубликованного Заявления идейно порывает с оппозицией, обещает не за страх, а за совесть, проводить в жизнь все постановления партийных органов и призывает *всех товарищей до сего времени, кому дороги Октябрьская Революция и Коминтерн, сделать тоже самое, член партии с мая 1918 г., п.б. 0738844*

4.

нас интересует всё: работа партийной организации города Бобруйска, её состав, люди, их деятельность, число, настроение и борьба народа против врагов Советской власти, героические подвиги и дела, состояние экономики, быта, культуры в городе. Всё, что вы знаете, помните, – высылайте... /57 г./

5.

Семен Борисович Готлиб, уроженец Литвы, герой бобруйского подполья, его воспоминания рассказывают о деятельности молодого партийца во время советско-польской войны, его кличка Орловский, официально Соломон Моисеевич Райский, студент, материал для гражданского костюма ему выдали в ЦК ЛИТБЕЛ, куда он прибыл из Воронежа в августе 19-го

– *С утра начиналась ловля людей для рытья окопов, – польские солдаты задерживали мужчин и женщин, отправляли их рыть оборонительные сооружения. – Во время работ солдаты занимались грабежом, снимали пиджаки, сапоги, часы. Спешно стали срывать таблички с советскими названиями улиц. Как из-под земли выросли царские городовые. Начались аресты рабочих...*

Тёплая беседа в вагонном купе с Серго Орджоникидзе, три конспиративные квартиры в Бобруйске, одна – у немца, польский танк на улице, стрельба, первое знакомство с «победителями», обыск, официальная легенда для патруля, военное положение, главная деятельность – революционная агитация среди рабочих и солдат: прокламации, собрания, литература

(Сарра Брозе, Гершон, Блюменталь, Гольфонд, Юркевич, Яша – курьер в Смоленске, Камиянский – Фальк, зубной техник, Федоров, железнодорожник, литовки Мария и Катя) Через два месяца после его отъезда в Смоленск конференция провалилась, троих расстреляли – сообщалось в местной газете, – потом появились предатель Роттер, (осуждённый после освобождения) и новые казни

Машинопись, сделанная для музея (был и публичный доклад) в 57-м, заканчивается словами *в мусорный ящик истории отброшены пилсудчики, польские паны, мечтавшие о Польше от моря и до моря, поработить Белоруссию и Западную Украину*. Приложенные справки товарищей по подполью подтверждают его воспоминания

6.

Административная ссылка – мы знаем только, что Семён Борисович Готлиб был выслан в Ташауз в 37-м, инкриминирован бывший троцкизм, но отделался ссылкой, избежал полигона «Коммунарка». Пожинать плоды нового мира пришлось чуть позже. Суд в 47-м, приговор и 7 лет Карлага, откуда он вернулся в 54-м к семье (жена и дочь) *врага народа*

Было восемь свидетелей, *подлых клеветников: расхваливал старого большевика Крыленко, не верил в силу и мощь советского оружия, выразил острую ненависть к вождю народов, был хорошего мнения о немецкой технике, говорил, что плохо готовились к войне, выражал сожаление об участии расстрелянных,*

возмущался необоснованными репрессиями, опошление советского искусства, был хорошего мнения о маршале Блюхере, поражался жесткостью советских законов, одобрял действия невозвращенцев, сокамернику советовал не признавать себя виновным, – фантастична сдержанность этой Жалобы 57-го, методично требующей реабилитации,

иллюстрирующей горестную эпопею движения жалоб, заколдованный круг волокиты, разбирающей профессионально все показания, грубейшие нарушения законности во время следствия, фигурируют имена, логические аргументы, очные ставки, оценки «свидетелей», способов фабрикации, услуг «деликатного» характера, качества протоколов

Революционного агитатора обвинили в *контрреволюционной пропаганде*, прокурор со стажем (прокурор Мелитополя, прокуратура в Смоленске, Оренбурге, НКЮ УСССР и т.д.) услышал в свой адрес: *все в наших руках: суд, тюрьма и этап. Так оно и случилось... пытки голодом, ночные допросы... для перечисления потребовалось бы много времени и места*

А потом – молчание, не-говорение, не-рассказывание, только некоторые несдержанные реакции на фильмы, в которых фигурировали колючая проволока и собаки, только легенда о лагерном медике, поставившем ему *глаукому* – фальшь-диагноз – *спасение*: перевод на другие работы, эмфизема лёгких бывшего зека нагнала его в 74-м

7.

Пропуск: предъявитель сего тов. Готлиб имеет право входа на трибуну в день празднования 1-го мая, городская комиссия по проведению празднования, Ташаузская типография, тир.200, зак.1963 1966 г. Он берёт все бумажки – юрист, – удостоверения, справки, например, из КГБ об отмене постановлений, освобождении, из Верховного суда Туркмении и архивов МВД СССР

Политический отдел 8-ой Минской стрелковой дивизии. Дано сие тов. Готлибу Семену Борисовичу в том, что он командируется в распоряжение ПУЗапа согласно... оказывать всемерное содействие... год 22-й, Действующая Армия ...находился в местах заключения и работал на разных работах, – написано в справке для предъявления в горсобес, начальник УВД Ташаузского облисполкома, февраль 61-го

Фрагменты письма от старого друга, знавшего Пастернака, Дом, в котором мы жили совместно с Бор.Леонид., давно снесён... Во время и после войны его не издавали, издали только 2 тома переводов Шекспира. Все его книги больше, чем библиографическая редкость. Впрочем, я думаю, у него и самого ничего не осталось. Это ответ на просьбу. Здесь же о сокровенном, что в течение ряда лет Бор.Леонид.

писал роман в прозе, но он никогда не будет издан.
Удостоверение помощника прокурора Западной Области,
со всеми правами и обязанностями, указанными в...,
газета «Нива» 17-го г., мартовский номер, с фотографией
Временного Правительства, текстом «Великая хартия
свободы», шахматными задачками, ребусами и
загадками (!), «Живописная Россия» 1901-го, фотография

с траурного митинга частей 1-ой Червонно-казачьей
дивизии, 24 г., на снимке – Готлиб, дивизионный
начальник политотдела, в шинели, фуражка – в руке,
на другой – окпрокурор с коллегами, на выезде –
Терпеньевское дело под Мелитополем, его статья
«Аппарат юстиции в борьбе за хлеб» призывает
бороться с оппортунистами и агентами кулаков

Маленький фельетон в «Комсомольце Туркменистана»
о правилах парка культуры и отдыха, другой – о гримасах
грамматики, материал об И.А. Гончарове, к его юбилею,
и вот (!): «Поэты нашей области» в «Ташаузской Правде»,
в литотдел (он вёл его) присылали письма с просьбой
опубликовать местные поэты, одно из них есть в архиве,
как и Свидетельство о смерти в г.Куйбышев, мне было 4

Писарь, библиотекарь, книжник (первая библиотека
была изъята в 47-м, он собрал вторую), политрук,
после дембеля ушедший в прокуратуру, после отсидки
заполняющий листы А4 строчками Пастернака, происхождение –
из крестьян (зажиточных), гимназист, персональный
пенсионер республиканского значения, с безупречной
репутацией, убеждённый партиец, ищущий справедливости

8.

Я хочу поговорить с тобой, дедушка, – о том, о чём молчал ты,
чего нет в этих папках, у меня очень простые вопросы,
я вижу твоё лицо молодое голливудское на портрете,
ты в костюме, в галстук, конец 20-х, – поговорить о красной идее,
о сопутствующей ей жертвенности, о жестокой страсти,
обо всём, что творилось, о твоих братьях из другого мира,
я не могу понять многое, я спрашиваю у себя и друзей,
как же это возможно

Александр МАКАРОВ-КРОТКОВ
Москва

Тринадцать стихотворений 2016–2017

и вот
я
подумал

знаете

это
не так уж
плохо

для вас

сначала
хотел
промолчать

а потом
нет же

вдруг ненароком
обижу тварь
дрожащую
от безудержного восторга
поминовения

вот
они приближаются
спяют
своими
всепроникающими
и
что же делать
как избежать
присесть
отвернуться
сказать
я
тут случайно
да?
шел мимо
ба!
милый друг
а вы-то вы-то
здесь
какими?
понятно понятно
я так и подумал
однако
как бы все это
ну да
именно
чтобы никто
никогда
ничего
ни о чем

Артему Верле

нас много
их мало

их много
нас мало

какая разница
в сущности

хотя
с другой стороны

вот и я
говорю

должна же
все-таки
знать свое место

неужели
никто
не подскажет?

(рассредоточенность)

вышел
нет

вошел
нет

что же тогда
да

(черновик)

нет
конечно
не говорю я
на х.. на х..
услышав
что-то из чьих-то уст

разве
сказанным
изменишь
услышанное

Марине

что бы ни случилось

но только
чтобы
ничего не случилось

скрести на груди
руки
замри

слышишь
поезд где-то рядом
выстукивает рефрен

города
в которых ты не бывал
города
в которых ты не бывал

не верь

как бы это

сказать
чтобы

не забыть снова
чтобы

уже
не помнить

и даже
если проходишь
сквозь
вот это палевое
слегка воздушное

нет?
иное?

но ведь
все равно

проходишь?

что-нибудь
сказать

знаешь
не важно

что-то
еще
осталось

как говорил
один живущий за морем
выпускник
литинститута

эту херню
может написать каждый

я
не возражаю

дикие кубки

*

разъясняющая всё кровь животных
политика: животные в хижине решают как быть
ветерок в волосах смуглых животных
утробные крики белых слонов

двигаясь внутри экономических систем,
сбрасывая кожу, роняя шерсть
«критика чистого разума» рассечена когтем
половые акты в лагуне, тёмная жидкость, всхлипы...

смерть на острие памяти
старый вожак в утеплённом гробу перенесён через
сибирскую степь

на синих фуфайках фрагментарные следы охоты, яростное
цветение фоном

чувственные раны на тёплом мясе в глухом сознании овода

в холодные зимы мы собирались сами
звонили из хижины отсутствующим друзьям
создали лес советов, гаремы режимов
и только один вышел жить

этика: хотят есть
свершаясь в мертвенных знаках

*

цифровые могильники с отсутствующими
параметрами захоронения.
лицо в каплях воды, в знаках сочувствия
над грудой несложных множеств.

укрепленные дни сближения.
крик существ, летящих на единой вене
в скрытую степь.

и ты – в очертаниях – радостный, глупый язык.

очередь на биометрию в пещерах
визовых центров, свежие жвачки,
перекачиваемые за щеками
изможденной профессора, растянутые колготы
их прислуги, тонкие бибиситтеры
с розовыми ирокезами, искристыми энциклопедиями.

нечто неосуществимое продается,
есть движения вокруг этого:
сделано низом, уже внизу,
но сам сидишь
как бы поверх всего.

будущее – в мышцах, в разделенных вещах;

смех, выброшенный из общины навстречу

диким печатникам

*

кинетические скульптуры – тоска по расколотым скульптурам

неподвижное –
то, что ищет язык причастий

цыганская тоска – два молодых клапана, вшитых в старое сердце

новое дитя, новое чудо черное,
вбитое в белую утробу, обеспеченную необходимым

питание через трубу
голос имеющий значение денег ввиду
местность из пластика обоснованная золой

отшельник имеющий удостоверение
личности, читающей прах

корректор, щелкающий когтем по клавиатуре

масло, льющееся в устья рек. начало
дня. девушка – красная

*

дикие кубки,

в них льется от слов, стычек огней.

тусклые окна высотных домов
сливаются с морем
ртов в движении к бездомному, к путешествию.

от смерти лишь отсвет и километры кожи, тянущиеся
к живым, – солидарность: вы должны встать, чтобы сказать,
чтобы бросить нам время, нас
вбросить туда.

серая фура везет в монастырь
воду, бензин.

мать отправляет нам Почтой России «Письма темных людей».

пустотная акция, во время которой решаем,
кто ведет ребенка домой,
а кто остается.

застолья в разбитых дворцах пионеров:
семьи едят шашлыки, куски
красного лука. сугробы
в Торговом центре, фрагменты горы, и лошадь.

темные люди несут к обменникам
кастрюли с водой, детей.

*

черви времени четверомира голос разоблаченный двигают
под землей.
раздраженное солнце встает над стекленеющими в новом,
по-новому разгораясь.

иная близится война, иная
война и множество в ней войн.
Паунда тащит Брехт на
прозрачном плече, в полутьме:

«ничтожество, нищета, ничтожество утвердилось
в мире давно
и правит» – шепчет Паунд, – «и ты из ничтожеств, волочешь
гнилушку моего духа,
в будущее, из ничтожеств один».

«что помнишь, то помнишь: все, что вспомнилось, то твое:
и стряхивай тело тогда
как простую пыль» – рваный столб законов гласит,
утверждаясь в сознании; укрывает
солнценочь, как всегда, и тепло выедаёт из четырех домов
под знаком разлуки,
воздвигнутых посреди единого моря, на буровой платформе,
где

бухает правитель, шатаясь среди
осколков, выплевывая новых, но тут же
меркнущих как
класс,
проводит сдержанно рукой по
библии, смысл которой закрыт, в которой
наша библия – «Капитал» – томится поддерживающим огнем
в нефтяном сумраке; желающий глаз принимает информацию
о том, кого нет, вносит в реестры отсутствия, насаживает
на иглу зрения
невозможное, – в тот же момент, когда ты
делаешь что-то привычное, то, что само собой
стало, как внутреннее: печень, тревога, бронхи, борьба, мир, мозг, –
в поддерживающем ожидании начинается всяко твой день.

*

мы распознаем материю по тому, как она отражает свет.
распознаем материю в столкновении, в формулировках.

если этого нет, то что случилось?

чувствуем материю. и не чувствуем ничего.
выводится связь поверх тела, как свод,
повисает на стромах желания.

несобранное лицо.
форма в убыток прошлому.
диджей государства, стянутый в формулировку.
подожженный напиток минутного сообщества:
пишут: все, что помимо тебя.

старые вещи едут к прямоугольникам закона,
планетарная диалектика под шестью куполами
атмосферного клуба russian paradise,
в доме напротив.

ничего общего со всеми бездействующими формами общего.
только твое чтение, исполнительные участки времени.

в подземной столовой – хор воздуха, пока он касается тебя,
чтобы сказать:

«скорость войны, умноженная на дефицит воды,

в другом сообщении».

*

экран дымится, заставляя ощущать последние дни;
горло, голос переливает зараженную воду;
прикоснусь к тебе. и ничего не будет; музыка Naiv,
несущая бледную гору,

черные торсы девушек,
дыра в стене, из которой светит печальный знак.

пустынник с оружием, его спутница
жонглирует клетками. море желания –
твердое, врезанное в берег старых политик,
море желания, как могила, монолитно гудит, мучительные
перемалывая прикосновения; горло, голос повсюду, и тонет
в камне; снится давняя поездка в Экибастуз, черные горы угля,
пустые лопаты людей,
в парах гашиша тянущиеся друг к другу рабочие,
кричат по-казахски;
железные кнопки, придавливающие к стене
абстрактный рисунок о прошлом, одна – впилась в ладонь.

глоток зараженной воды. сигарета, как убитый знак,
дымится в воображении.
черные торсы девушек, вплавленные в документ
без сообщения; союз с потерянным временем,
где держались за поручни
в разваливающихся конторах, в автобусе; он везет дыру
своего тела,
затверженную в момент.

пир

клеомброт или гость? ждешь чего-то или просто
пьешь где-то, обламывая кусочки
ледяного экрана?

безумные сложности при вводе во время скалы,
гремучие реки денег, ночь
срывает фасады домов и законных зданий,
разъединяя желание с прикосновением...

они ждут, отвёрнутые от времени;
не живут идеи, лишь пружинят представление,
льётся пиво в каркас тела, утопленные в камень рассудки
ночь едят помногу.

*

промышленные черепа, биткоинов река, мерцающие
кодировки, движешься в обход
растерянности, знаком насыщаясь; потерянные интересы,
вспышки действия, как оно держится, –
насилие и меланхолия;

политики состояний зарастают новыми тканями,

узкая щель долга, вспененная соучастием,

баржа с румынами утопленная в склизкий берег,

вода

недостоверна

*

можно ли толкнуть время?

что чувствуешь, впрягаясь в состояние?

подавленное письмо, крик младенца,
свет вывески «spag»;

состояние – это клетка вне действия;
лязгает баками мусорщик снаружи,
врастая в сияющую ткань спецодежды;

тагуировка взгляда; узлами снов подпирают
пустыню политики; куртка
по-прежнему чёрная, но застегнута изнутри;

книжный развал памяти, которым
движется ночь; ломари языка проносят
пробитое солнце флага; не внутри и не снаружи
бьют по железу
потерянных прикосновений
черные клинья слов.

*

мышление, собранное из камней;

желтый камень меланхолии, утопленный в землю
строительного участка, поддерживающий
многогранник пустого билборда;

фигура с лопатой, напоминающая отца,
его ноги, погруженные в грязь возле серого озера с трубами,

мелкая рыба, бьющаяся в руках, и капли воды,
достигающие экрана памяти
в районе электростанции;

толстое жерло трубы с несущимися вниз потоками,
бетонные ниши, заполненные водой,
утопленные одна в другую – внутри меня;

люди в касках, расставленные по территории,
жуют хлеб с маслом;

три камня бросишь в тех, что расставили, три,
возьмешь в руки оружие, но сейчас

твои руки мыслят страхом, мыслят последовательностью,
зачем
закрываешь ими лицо, пересекая этот пустырь

0717

растения, сделанные из животных; гнилая сила узла,
распространяющего вдоль поверхности тонкий звук;
плачущий газ, выходящий из земли в продолговатые камеры,
и сама земля, летящая в яму, в лицо; удвоение чужих земель –
через угод; жизнь – деревянная трубка, вбитая в рот;
священнослужитель в спортивном костюме, найденный
на дороге и собака его под тонкой пленкой – напротив;
звук гармоники, ночь, разбитое зеркало; протекает через
Молдову Нил, а Сена – через Судан; безумный секс жуков,
слитых в аморфный шар; рой ума разъедает дорогу

*

мой район погружен в это место и я двигаюсь в нем, как ребенок, как чужое оружие, чтобы место удерживалось; на районе они стоят, раскачиваясь, играя цепями, вытягивая состояния из земли, нагретой июльским солнцем, люди в касках дорогу кладут и рубят деревья, в перерывах разламывая хлеб, а мы смотрим, как солнце состояний уходит, и машины включают свет, вытягивающий на синий купол слепого быка – ночь;

земля! ты не видишь, как они удерживают меня, удерживают в сознании...

мать с отцом спят после дня: отец, завернутый в пыльную простынь и остатки робы – на полу, мать – чуть повыше и дышат, выдыхая две формы, две земли, они держатся, как будто бы отверзли, отрезали нашу причину, огонь состояний, движение вен на ее шее, звук воды в камере квартиры и камера в каплях лица, занесенная надо мной; влажное зеркало

*

они держали две испорченных формы, два сочащихся тела над пустыней состояний и сказали: ничего не будет, ты не получишь эти лекарства, потому что причина не в тебе, а в том, что гулом жутких распределений наполнен котел земной жизни, в том, что горит капитал, как чужая кожа уже на нас, что землю бросают в лицо, не дожидаясь, пока уйдет из него жизнь и машины ползут над равниной, выдавливая из мертвого смысла битый звук; вода недостойна и нет ничего, что мы можем теперь разделить;

чтобы помыслить новое общество, отруби себе руки, держи подальше от тела свой голос, свой рот, будь в одиночестве;

красной пеной расходится новая ночь, в которой не существует звезд, правда в том, что их никогда не было, и беспомощна голова под отсутствием неба, и тупой, как размножение, наш вымысел;

случившись однажды, они сходят с ума и набивают пустыню сияющим волокном; абсолютный свет надолго распределен над нами; исключая тень состояний, длимся

Ирина САМОПУКОВА

Самара

Реферат

(«Русский мир. Книга вторая. #нашамать#»)

К. был поэт. Выдающийся русский поэт, хотя на фото выглядел как лицо кавказской национальности. Чучмек, – иронически заметил он в одном из своих текстов. (Неточно, строго говоря, поскольку чучмеками называли выходцев из Средней Азии). Разумеется, это неважно. По сути К. был выдающийся поэт, достойный изучения в школе, как не вполне русские Пушкин, Лермонтов, Блок и Евтушенко, традиции которых он творческим образом продолжал...

В одиннадцать вечера ребенок вдруг вспомнил, что завтра нужно сдать красочно оформленный реферат «Мой любимый поэт современности». – Мама дорога, я совсем забыл, – хватилось дитя, залезая в постель. – Теперь Зинаида с легким сердцем вlepит мне двойку в четверти.

С учительницей литературы Зинаидой (отчество стерлось из памяти) у Аскольда был затяжной конфликт. Тот якобы регулярно срывал уроки, перебивая учителя во время объяснения новой темы.

Какие вопросы могут возникнуть к хрестоматийному шедевру М.Ю. Лермонтова «Родина»? Автор размышляет в нем о простой народной России, такой, какая она есть на самом деле: телеги, мужики, сельский праздник. Что тут неясного? Выучи наизусть и продолжай традиции.

Однако Аскольд (с ухмылочкой такой, знаете ли) задал вопрос, не относящийся к сути темы. Он отвлек внимание класса на «медленный взор», которым автор, скача в телеге, пронзает тень ночи. Ему было любопытно, как это возможно чисто физически. Все классики ругали русские дороги – ямы, колдобины, сбитая колея. От тряски у пассажира (ибо вряд ли лирический герой сам правил безрессорной мужицкой таратайкой), все время сбивается фокус. – Попрыгайте, – предложил Аскольд, – и сами убедитесь. И полкласса принялось скакать верхом на стульях.

Как поступил бы в такой ситуации квалифицированный словесник? Во-первых, он похвалил бы ученика за внимание к тексту. А затем, опираясь на сведения из биографии автора и поэтические детали, поставил бы выскочку на место:

– Знаешь что, умник. Лермонтов не одно стихотворение написал и знал, какое слово выбрать. «Медленный взор» есть метафора, указывающая на внутреннюю рефлексию, ревизию своих представлений о Родине. Печальные огни деревень, заметь, дрожат. Фокус автора и в самом деле сбивается. И в глаза бросается не купленная кровью слава, но свист и топот пьяных мужичков.

А если кто-то предпочитает игнорировать значимые детали текста, если кто-то ни черта не шарит в поэзии, то это его проблема. Однако, если этот кто-то служит учителем-словесником в гимназии, проблема становится родительской. Зинаида вызвала Аделаиду в школу. Разумеется, Аделаида извинилась: – Что поделаешь! Тинэйджер оспаривает авторитеты, борется за лидерство. В известном смысле, это хорошо. У Лермонтова, правда, встречаются ляпы. И у Пушкина их хватает. – Аделаида надеялась обернуть инцидент шуткой и разойтись с миром. Однако училка лишь крепче сжимала губы: – Теперь я понимаю, – выдала она под конец, – откуда ветер дует...

– Послушай, Аскольд, – сказала Аделаида, – не стоит так легко сдаваться. У нас впереди целая ночь. – Она имела в виду следующее: ты накосячил, сынок, и вовсе не в том, что подкалывал недалекую Зинаиду. Ты забил на серьезное домашнее задание, в котором мог показать себя, свою эрудицию, понимание текста и системное мышление. Скорее всего, просто поленился. А теперь, когда время упущено, хитришь, чтобы уйти от ответственности. Ты, сынок, от нее просто прячешься, укрываясь этим одеялом. Однако с Аделаидой номер не пройдет. Аскольд ответит за свой проступок, он соберется, сконцентрируется и напишет реферат, а мама ему в этом поможет.

– Ох, мама, сдача позиций спасает армию. С таким наставником, как ты, хрена мне делать в этой гуманитарной гимназии? Макаров перешел в обычную школу – и ничего: жив, даже деньги откуда-то появились, – вяло возразил ребенок. Он уже вылез из постели: повелся на запах кофе. Аделаида заварила его прямо в термосе старым, еще советским, способом: на литр сыплешь десять ложек свежее молотого, заливаешь кипятком. Все. Зато огненный и крепкий.

– Будем писать про К., – решила Аделаида.

Основная тема его творчества – взросление мальчика.

– Как тебе? – поинтересовалась она у сына, прослушавшего в ее исполнении наиболее показательные отрывки из поэм, посланий и эклог великолепного, до слез трогательного К., точного в деталях и неслучайного в словах.

– К. апроприрует совок, понимаешь?

Совок Аскольд частично застал. Например, его успели принять в октябрюта. Маленький Ленин на значке в форме пятиконечной звезды смахивал на Макарова, одноклассника. Только Макарова звали не Володей. На самом деле, и фамилия у него не Макаров. Впрочем, это неважно.

Перед тем, как раздать первоклассникам звездочки, провели классный час, совмещенный с проверкой скорости чтения. Текст назывался «Детские годы Ильича». Аскольду достался отрывок про игры. Как Володя, топя ножкой, загонял котенка под крыльцо, приучая того подчиняться своей воле. Козлова разревелась от жалости – киска, он такой маленький. А Макарову понравилось. Из жалости, сказал он, этого котенка следовало утопить. Жалость унижает. Если бы Ленин с детства жалел всякую погань, он никогда не стал бы вождем прогрессивного человечества.

– Поэт К., – объяснила сыну мать, – смеется над советской пропагандой и ищет спасения в скромном образовании частной жизни. Он наделает мир, где его угораздило появиться на свет, глубоко личными смыслами. Так, кстати, поступали многие предшественники К., его духовные учителя, которых он обильно цитирует. Впрочем, не только их. Некоторые критики сравнивают произведения К. с лоскутным одеялом – у того взял строчку, здесь слова песенки вставил, там поговорку вспомнил, детскую считалку, армейскую притчу. Поэзия К. очень удобна для комментирования. Посему тему «Интертекстуальность» выделим отдельным параграфом.

Реферат закончили в пять утра, до шести оформляли, приводя в красочный вид. Порывшись в кладовке, Аделаида нашла пыльную бутылку из-под какого-то олдového пойла, отмочила ее в тазу с горячей водой и сняла наклейку. «Тырново», забытая марка, сладкое, как варенье, помнится, с него болела голова. Из этой этикетки, фрагмента коробочки из-под бабушкиных духов «Красная Москва», клочка старой газеты с речью советского вождя Черненко сделали коллаж на титуле. Вышло концептуально, хотя не слишком аккуратно.

Работу ребенок сдал в срок. За полноценное самостоятельное исследование на десяти страницах со сносками и цитатами из первоисточника Аскольд Чемодуров получил четверку. Аделаида не удивилась. Зинаида, как и предсказывал ребенок, оказалась мелко мстительной и недалекой.

Прошло несколько лет, и Аделаиде, кандидату филологических наук, доверили экзаменовать здешних учителей литературы. Зинаида трепетала, ибо речь шла о присвоении высшего разряда, а значит, повышении зарплаты. Она понимала, что попалась. И даже, наверное, предчувствовала роковой дополнительный вопрос. О любимых поэтах современности. Да.

Увы, Аделаида оказалась не единственным экзаменатором. Опытная училка села отвечать к профессору Г., председателю комиссии. Г. специализировался на классике и выдающиеся поэты современности его мало волновали.

А жаль.

Эти поэты могли стать классиками. Иным почти удалось. В школе их, понятно, не изучают, но в некоторых вузах отдельные преподаватели поминают их в лекциях, изредка находятся студенты, желающие исследовать тех поэтов в курсовых работах. Но тогда поэты еще подавали надежды. Они ловили поэзию из воздуха, которым вперые могли дышать свободно. Такие стояли времена. Долгожданных перемен, как казалось. Краткая пора непредставимых прежде возможностей.

В частности, личной встречи с выдающимся русским поэтом К.

Приехал, да, из самой столицы. Ради знакомства здешней публики с современной поэзией некий транснациональный фонд оплатил дорогу, гостиницу и банкет, включая алкоголь, который в отчете заменили минеральной водой.

Не ждите мемуарных заметок. К. прибыл в здешний город не один. Фонд расщедрился на добрый десяток выдающихся поэтов современности. Некоторые из них еще живы. Возможно, они и сами помнят, как группа здешних литераторов пригласила их в прекрасный город на Волге.

Великую русскую реку выдающиеся поэты современности воспели скупое. – *Да, воды много, – высказался впоследствии один. – Свобода есть свобода.*

– И это Некрасов? – гневно чиркнул на полях Аделаидиной диссертации профессор филологии Т.

– Нет, уважаемый. То есть – да, хотя и не тот самый. Реформатор русского стиха. Конкретист. Захватанным словам и речевым клише он возвращает смысл. Чисто конкретный. Подлинный.

Чтобы не писать на эту постмодернистскую галимать отрицательный отзыв (кто-то проболтался, что Аделаида мать-одиночка), порядочный Т. отказался оппонировать, дескать, занят он, уже обещал писать отзывы в трех местах. Он советовал лучше обратиться к О., который разбирается в этих новых поэтах, так называемые стихи которых, по мнению Т., лишены целостности, гармонии и гуманистического смысла.

И все же не будем отнимать у этих поэтов радости припомнить теплый прием, набитый поклонниками зал дома ученых, горячие споры единомышленников и очень неплохую водку. А если иные тупают здешний город с соседним С., то это их проблемы.

Поэт К. подарил Аделаиде вторую персональную книжку. Он извинился, что дар потерялся. Зато это личный экземпляр. Его он возил с собой на все поэтические чтения. Пришлось воскликнуть: «О!». К. пошарил по тумбочке. Нашупал авторучку и очки. На титуле размашисто написал: *Звезде Аделаиде с надеждой на новую встречу.*

К.

Волга. Город С. Семь сорок утра.

И тут Аделаида вспомнила о ребенке, о своем пятнадцатилетнем балбесе. Он присутствовал на поэтических чтениях, терся рядом во время перекуров (спасибо, мамой не называл) и напрашивался на банкет. Однако услышал: – Иди домой. – Почему? – удивился он. – Мне сказали, что есть свободные места, типа я могу сесть за общий стол. – Кто тебе это сказал? – поинтересовалась Аделаида. – Поэт Л., организатор поэтических чтений, начальник над всем мероприятием. – А я твоя мать, – отрезала она. – Уже поздно, завтра в школу, ступай домой. – Реферат про К. писали вместе, но пируем врозь, – съехидничал сынок, который все понял. Она, конечно, могла позвонить, проверить, дома ли он, и заодно предупредить, чтобы не ждал. Захватанный дисковый телефон стоял на тумбочке рядом с телевизором.

– Утро. Твои колготки брошены на компьютер. Буквы сквозят через ткань, – напишет впоследствии некий мэтр русского хайку. Кто конкретно, Аделаида не помнила. Ей не нравилось слово «ткань». Колготки тем и хороши, что их

не ткнут, а вяжут, плетут из нитей – шелковых, хлопчатобумажных, шерстяных, синтетических, типа капрона и нейлона. Трикотаж растягивается, облекая ягодицы, живот, бедра, ляжки, колени, икры, лодыжки и ступни, как вторая кожа. Буквы проступают сквозь дымку прозрачных надеванных колготок. – Утро. Твои колготки брошены на компьютер, буквы сквозят чрез капрон, – так было б точнее, хотя предлог «через» звучит высокопарно.

Однако в то утро в номере К. на седьмом этаже «России» колготки висели на телевизоре «Горизонт», который, кстати, был выключен. Интерьер гостиницы, возведенной по-над Волгой в годы юности К., оставался советским. Но-стальгическим, да.

Аделаида, конечно, могла позвонить домой и сообщить, что скоро вернется. Могла бы. Но смысл? Никто заранее не знал, как долго продлится это поэтическое автопати...

Елена ФАНАЙЛОВА

Москва

Революционный этюд – 1977. Рассказ двоюродного брата о наградах к 50-летию ВОСР, пропитых гражданами Хохольского района Воронежской области, и поездке с внуком на федеральную реконструкцию Воронежской военной операции

Мерцание любви в покойных кобелях,
Портреты Ленина в рублях.
Медали срезали, на водку обменяли
На революционный юбилей.
Как список кораблей,
Подслеповатых продавщиц обняли.

А поутру и ужас и скандал:
Поскольку водка продавалась на рубли,
Портретов Ленина с медалей не узнали.
Партком рыдал.
Но был уже мертвецки пьян
Бессмертный полк, и наш тамбовский волк
Растягивал баян
И ай-люли.
Парторга сняли.

Смеется старший брат, рассказывая нам
С сестрой сюжет, которого не помним.
Ребенок наш вот хочет быть военным.
Его возили в Липецк на показ
Тяжелой техники, и форму закупили.
Она ему идет.
Матвей, не в этот раз.
Не для того тебя отец и мать лепили,
Чтоб ты как хочется, так сделался кадет.
Твои пра-пра лежат в своей могиле
Какой во славе, кто полураздет
Во глубине земли, в песке и иле

На реконструкцию воронежского ада
Военного, сходи, Матвей,
Красавец-шестилетка,
Погоны лейтенанта примеряй,
Но знаешь, обезумевшая тетка
Твоя хотела бы тебе вишневый рай,
Где нету ни Афгана, ни Донбасса
Ни Грозного, и никакая трасса
Ростовская тебя не приведи
Туда, где мальчишки такого класса
Как ты, из крови и любви, костей и мяса
Ложатся с пулевыми ранами в груди

МОЯ УКРАИНСКАЯ СЕМЬЯ

Вторая бабка

В детстве я ее не любила
Она все время молчала или мрачно шутила
Ее русский (как потом выяснилось, крымский грек
По деду) муж попал в плен под Смоленском
И погиб в концлагере в 44-м
Как потом выяснилось через крестного отца
Моего брата
Фото памятника
Прислала Лена Исаева

Не обращала на нас, детей, никакого внимания
Ее интересовала только ее корова
Доить вставала в 4 утра

Ее молитвы перед бумажными иконами
Николая Чудотворца и Богородицы
В окладе из дешевой жесткой фольги
Меня просто пугали
Кружка парного молока в 6 утра
Раздражала
Особенно соринки в кружке
Но в целом вкус этой жидкости
Мне нравился, и я терпела
Ранние пробуждения, чтобы заснуть
До общего семейного подъема
Обычно в девять

Благодаря умению доить
И знанию устного немецкого
Она выжила сначала в коллективизацию,
Когда ее, дочь раскулаченного харьковского крестьянина,
Отправили в немецкий кооператив в Россию,
А потом она попала в оккупацию.

О том, как самолеты заходили над Доном
Как бомбили мосты
Как добры были потом немцы и венгры
И как мальчишки катались на трупах,
Облитых водой, как на санках,
Мы с братом узнаем уже от отца

Ее руки были сухими и жилистыми
Она никогда меня не обнимала
А когда обнимала, лучше бы этого не было:
Ее мозоли царапали мне спину
Прикастаться к ней было неприятно
Да она и сама этого не хотела

Она ужасно готовила
Все, кроме ухи.
Даже борщ, что странно для украинки.
Ее завтраки были пыткой
Ее сырники всегда подгорали
Ребенку достаточно, чтобы бояться такой бабки

Но когда я выросла,
Мне все больше стал нравиться
Ее мрачный аутизм
Ее железный характер
Ее манера ставить мужиков на место
И не бояться их алкогольного безумия
Я это застала в 11 лет

Ее второй муж был запойный
Из обрусевших еще в 19 веке немцев
В их деревне делили москалей и хохлов
Просто по предкам, без эмоций.
Ее фамилия по отцу была Пьяныця
А уличная – Петрова
Она прятала деда Петра
В своем погребке почти до войны
Пока он не умер

Его похоронили в огороде
Он сбежал с этапа на Соловки
Ее мать умерла на этом этапе
Отец потом говорил, что на юге
Воронежской области
Слабо работали спецслужбы

Вот что я должна сейчас чувствовать, что?

Она ловко чистила рыбу
Ершей, подлещиков и карасиков
Пойманных сыновьями на Дону
В процессе мелкого браконьерства

Мы ездили к ней с отцом
На кораблике с воронежской пристани
Через волшебные сине-зеленые шлюзы
Через реки Воронеж и Дон

Сердце ребенка замирало,
Когда они опускались и поднимались –
Через огромные меловые горы –

Мне до сих пор снится,
Что я легко, как сильная рыба,
Плыву в этом сложном мире большой европейской реки,
С ее водоротами и водорослями,
С затонувшими кораблями, с глубоководными тайнами,
С пятнами мазута и бензина
С дебаркадерами и пристанями,
Чтобы к ней добраться по Дону, к ее белому
украинскому дому
С мальвами у забора.

Первая бабка

Первая – потому что мама.
Мама – основа ума моего
И сердца. Бабка ее пьедестал –
Грудь двенадцатого размера, бог кормления всей семьи.
Ее борщи я варю до сих пор.
Она была моей богиней. Я не могу ее критиковать.
Хотя есть за что. Сейчас она была бы за Крым.

Как в свое время за Сталина.
Ее можно понять.
Дочка украинского батрака

Поселения украинцев
Были обычным делом в наших местах.

Он пошел на заработки в столицу и бросил семью,
Четверо детей.
Она бросилась в революцию. Нашла себя в ней.
Ей было 15 лет. Там, ясное дело, левый поворот.
Справедливость. Парни со сладкими речами.
Среди них мой дед.
Училась с Платоновым в Воронеже в совпартшколе.
Вряд ли кто-то помнит сейчас этот мир,
Принадлежащее мединституту здание
Красного кирпича
В Детском парке

Раскулачивала в Тамбове
Стреляла
Там поседела
Когда в ее телегу в спину бросали ножи

Она реально не понимала
Что дед наполовину еврей
Их вообще не интересовал
Национальный вопрос
Только секс и революция
Гражданская война
Победа коммунизма
Они просто были красавцы
Белокурые бестии

Мои карие очи – в обоих дедов
Я точная копия двух чудом сохранившихся фотографий:
Матери деда, польской еврейки Раисы,
И харьковской бабки, украинки Авдотьи Петровны

Но Ганна, Анна Ивановна,
Белокурая бестия с наглым русским арийским
украинским взглядом
Голубых ее выцветших глаз исторического победителя,
Известным мне в том числе по фото тридцатых,
Галина Буйволова – моя первая детская любовь.

Ее руки никогда не казались мне жесткими.
Ее грудь никогда не казалась мне слишком неопрятной,
Хотя она всегда роняла не нее капли своего борща –

Я орала не нее, когда она прерывала мои разговоры
по телефону

С первыми любовниками.
Меня сместило и трогало, когда она
Пыталась наладить с ними отношения

Я стригла ее заскорузлые желтые старческие ногти
И подтирала за ней дерьмо
Когда она не могла донести его до туалета
Я была ее деловым партнером, когда моя мать умирала
И надо было терпеть два года
(здесь обрыв киноленты)

Вчера опять снилось, что она отдает мне в наследство,
В безраздельное пользование
Свой волшебный дом на юге Воронежской области,
на украинской границе,
Которым я буду владеть после смерти.

intro к циклу **Троя vs Лисистрата**

Над полем родины туман
Войска стоят как в первый раз
Мне наплевать на наш роман,
Забудем, не сейчас.
Оставим, капитан.

Войска стоят как в мертвый час
Гашиш плывет как корабли
И водка льется как река
И если не мужик,
То не ходи сюда

И доллары или рубли
Не главное для мертвых нас,
Дружок
Важнее вещмещок
Армейский шик
Советский чёс

Твой пионерский, бл., кружок,
Дворовый понт и золотой
Среди других гнилых резец
Резец гнилой
Оставь надежду за грядой
Отрезанных голов
Из них мы варим плов

Как русский националист
И украинский патриот
Оставь надежду пидарас
На Терек и Кавказ

Рабы не мы, рабы не мы
И не убитый нами взвод

У харьковских ворот
У грозненских высот
У стен тюрьмы

И собери рюкзак, дурак
Твоя девица напилась

Война, которая за мир
Так быстро началась

июль 2016

Из цикла **Троя vs Лисистрата**

Ни Крыма твоего не надо, ни Кавказа
весь день преследуют две-три случайных
фразы
печаль моя черна
ни БАМа твоего, ни ЛОГОВАЗа
работ столичных по благоустройству
ребят отличных с мерзкой склонностью к
геройству
уходи, зараза,
вали путем зерна

я не люблю ни твоего ОМОНа,
ни РУБОПа
я пятая колонна
с прикопанным солдатским автоматом
в подвале доме, в нише схрана
и знаешь ли, я совершенно непреклонна
в рядах своей колонны пятой

хромая утка и агент госдепа
предатель родины и символист проклятый
и Млечный Путь над бабкиною хатой
в теченьи среднем Дона

была зарыта шпагой, не лопатой
Лили Марлен в своем коротком гетто,
в своем коротком платье.
тяжелое случилось третье лето
и офицеры раздевались молча
в земле до плеч
под женский плач
и материнские проклятья

я знаю наизусть твою повадку волчью
и зубы желтые, силовиков и танки
я знаю, где нам ожидать подлянки
ебись конем, захлебывайся желчью
и золотом, и задохнись от газа
распухни от нефтянки

сledi за мной, устраивай прослушку,
поплачь в мою подушку.

Печальный облик твой невыразимый
твой тайный облик, не скажи охране,
еще стоит как призрак подворотен
по нашим городам в тумане
красив, неочевиден и бесплотен
и держит финку лунную в кармане
неуязвимый,
как господа других Небесных сотен

июль 2016

Ежи ЧЕХ

Познань

Дорогие друзья, здравствуйте! Я всей душой присоединяюсь к вашей акции.

Политикой я интересовался с детства, и не надо меня убеждать, что и поэзия не должна уклоняться от неё, особенно в такие времена.

Я писал свои русские стихи отчасти потому, что меня интересовала судьба России. И мне не очень нравилось, к чему она идёт. Но не прошло и года с выхода моего русского сборника, как и моя страна встала с колен и сразу сильно повредила себе голову. Читая ваши слова про «репрессивные, полицейские, цензурные и мракобесные тенденции», я не могу не заметить, что они касаются и моей страны. Польша пошла путинским путём. Но то, что в империи может казаться чем-то естественным, в стране средней величины становится гротеском. Наши так называемые патриоты стали расизм и ксенофобию считать высшей стадией патриотизма, мне же стало просто стыдно за Родину. Но и в других странах происходит что-то подобное. Волна мракобесия идёт через западный мир. На радость всем мракобесам в каждой отдельно взятой стране. Но напрасно они радуются: эта волна ни к чему хорошему не приведёт. Интернационал националистов невозможен.

Возможно, что это временная болезнь. Но она не пройдёт сама. Я должен сказать, что протесты против этого полуфашизма у нас не утихают. Мы уже два года митингуем, и я надеюсь, что наша борьба не окончится. В последние дни произошло нечто неожиданное, что нас потрясло. 29 октября 2017 года умер человек, который 19 числа поджёг себя перед зданием Дворца культуры и науки в Варшаве. Как Рышард Сивец в 1968 году и Ян Палах в 1969 году. Конечно, как и тогда, пропаганда хотела причислить его к сумасшедшим, но Пётр С. (его фамилия по просьбе семьи не названа) оставил письмо, и нет никаких сомнений, что это был политический протест. Он протестовал против политики нынешнего правительства.

После такого поступка нужно умолкнуть. Но я – не решаясь на такое – всё-таки ишу слова, чтобы средствами литературы сказать происходящему своё «нет». Пока их не нашёл. Но я никогда не смирюсь с «нормализацией», признав её нормальностью.

Стихи однократного употребления

Артисты

Артисты хотели жить не по лжи
и правду нам режут прямо в глаза
что мыло Нью Лакс
самое хорошее в мире

Славянская песня

Пятьдесят лет тому назад
Марко убил Радко
Поэтому сейчас Мирко
Должен убить Желько
И насиловать Весну

Иван же
Должен помочь Мирко
Мирко – православный

Дедал

Дедал
потерял
сына
и конечно
выжил

однако
изобрёл ли он
что-нибудь ещё?

Преступление и наказание

Наши ошибки велики

В наказание за это
мы и дальше будем их совершать

Лебеди

Мы же их кормим
А они
Ещё чего-то хотят
Крутят белыми шеями
И шипят
Так забавно

Сказка

Да, я видел бабу-ягу
страшная
но написал что она
красивее белоснежки

все так писали
никому не хотелось
быть превращённым в лягушку

Новый завет

Что-то у нас в последние годы
Тесные врата стали шире
Все в них лезут

Из Андерсена

А ты мальчик чего горячишься
Мы и сами знаем
что король – голый

Подражание В.Н. Некрасову

скоро
выборы

скоро
выборы
воров

почему
воров

мы бы и
не воров
выбрали

но и
не воры
всё равно
станут воровать

Филологам

Фило-логи
Они
Филят догос
они любят слово
любят

зачем
зачем
на белом свете
есть безответная любовь

В кино немое кино
Какое кино?
Как какое?
Немецкое
Немое ведь

Проклятые вопросы

Что делать?
Чё те надо?

Любовное

Насколько я знаю
нас только
двое

Памяти Чеслава Танского /Польша/ и Александра Можайского /России/

У каждой нации
Свой пионер авиации

Комары

Пламенные мечики
Этих херувимчиков

Не позволяют нам
Вернуться назад
В природу

В потерянный рай

Лоэнгрин

Грустно ему
Он так верил в людей
Верил
Что из его лагеря
Не убегут

Песня

Мертвецы мертвецы
Не тревожьте солдат

Литераторы

Да кто же хочет быть
известным

в два часа ночи?

Культура это конец-венец:

Если лопнет база, надстройке – п...

Демонстрантов, братьев твоих меньших,
никогда не бей по голове!

Здесь вода

не водится

Защитники мира

ответили огнём

идя в ногу с эпохой
как бы не ступить
в говно

Содержание

Вместо предисловия <i>Сергей Лейбград</i>	5
Наталия АЗАРОВА	6
Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ	10
Дмитрий ВЕДЕНЯПИН	17
Виктор КОВАЛЬ	23
Сергей ЛЕЙБГРАД	24
Виталий ЛЕХЦИЕР	30
Александр МАКАРОВ-КРОТКОВ	37
Галина РЫМБУ	42
Ирина САМОРУКОВА	51
Елена ФАНАЙЛОВА	57
Ежи ЧЕХ	65

ББК 84-5
УДК 82-1
Н 21

Н 21 **Накануне революции: 1917–2017.**

Поэзия в поддержку прямоговорящих. –
Самара: «Цирк «Олимп»+TV», 2018 – 72 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Издание подготовлено:

Сергей Лейбград (куратор выпуска)
Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

Редакция поэтической серии «Цирка «Олимп»+TV:

Сергей Лейбград
Виталий Лехциер
Ирина Саморукова
Ирина Тартаковская

ISBN 978-5-906607-62-1

Подписано в печать 26.02.2018
Формат 60х90/16. Объём 2 печ. л.
Гарнитура Minion. Бумага мелованная
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «ПД «ДСМ»
443070 Самара, ул. Верхне-Карьерная, 3а
e-mail: dsm@dsm-print.ru